

А. Г. Вишнеvский, Е. М. Щербакова

Демографические тормоза экономики*

В статье рассматриваются особенности новейшей стадии демографической эволюции России на фоне других стран, находящихся на сходных этапах демографического перехода. Показано, что до недавнего времени долгосрочные демографические тенденции благоприятствовали экономическому развитию России, однако сейчас страна вступает в длительный период неблагоприятных для ее экономики демографических изменений. Прекращение роста населения России, сокращение численности населения в трудоспособном возрасте и его старение, увеличение демографической нагрузки на трудоспособное население будут оказывать тормозящее влияние на развитие экономики и в то же время затруднят решение социальных вопросов, в частности создадут большие проблемы для системы пенсионного обеспечения людей старше трудоспособного возраста. Обсуждается вопрос об использовании миграционного ресурса для смягчения негативных последствий демографических изменений.

Ключевые слова: Россия, рост населения, естественный прирост, миграционный прирост, старение населения, старение трудовых ресурсов, возраст выхода на пенсию.

JEL: J11.

Задача настоящей статьи — привлечь внимание экономистов, особенно тех, кто задумывается о стратегических перспективах российской экономики, к меняющейся роли демографических факторов экономического развития. Актуальность темы определяется тем, что сейчас Россия, как и другие страны, завершившие в основном демографический переход (переход от высокого уровня рождаемости и смертности к низкому), вступают в новый период, когда демографическая обстановка с экономической точки зрения становится менее благоприятной, чем ранее. Этот происходящий на наших глазах поворот

Вишнеvский Анатолий Григорьевич (avishnevsky@hse.ru), д. э. н., директор Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ; Москва); *Щербакова Екатерина Михайловна* (escherbakova@hse.ru), к. э. н., с. н. с. Института демографии НИУ ВШЭ и Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва).

* Статья подготовлена по результатам исследовательского проекта «Тенденции демографического развития России в 2005–2015 гг. в контексте долговременных демографических трендов», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

порождает новые вызовы или усиливает старые, требуя серьезного осмысления. В статье используются статистические данные с середины XX в. и результаты демографических прогнозов до середины, а в некоторых случаях — до конца XXI в.

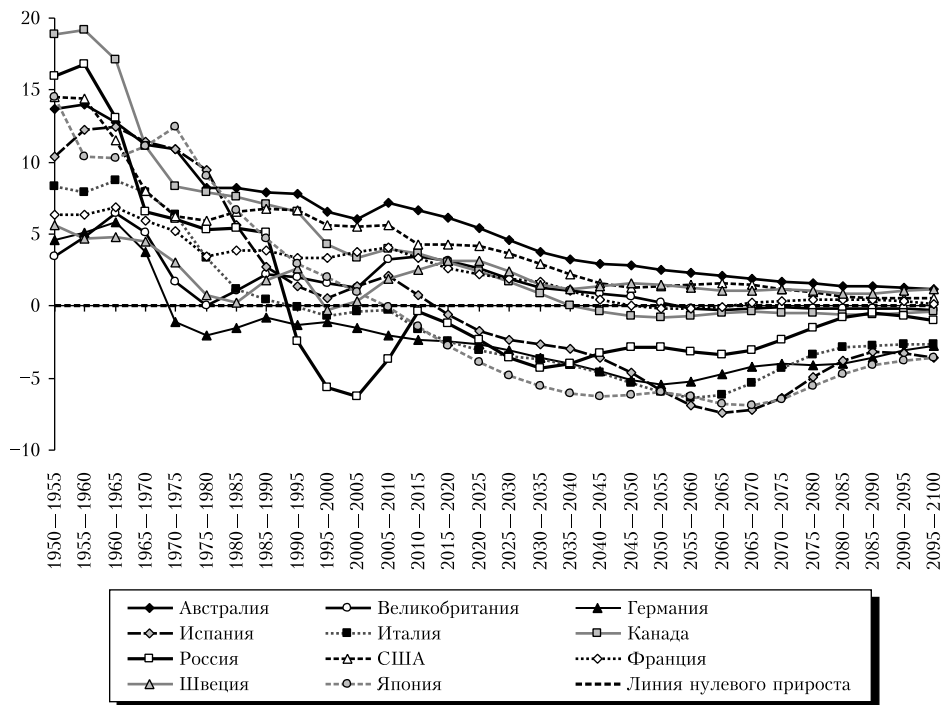
Прекращение роста населения как экономический вызов

Современный этап демографического развития всех городских постиндустриальных обществ характеризуется двумя главными чертами. Первая — во всех таких обществах прекращается, а часто даже становится отрицательным естественный прирост населения (рис. 1).

Сокращению естественного прироста или появлению естественной убыли населения в развитых странах до известной степени противостоит миграционный прирост, роль которого непрерывно возрастает. Это хорошо видно на примере стран Европейского союза (ЕС), которые не относятся к традиционным странам иммиграции, таким как США, Канада или Австралия.

До конца 1980-х годов население ЕС в его нынешних границах (ЕС-28) росло в основном за счет естественного прироста, вклад миграционного фактора редко достигал $\frac{1}{4}$ общего прироста населения

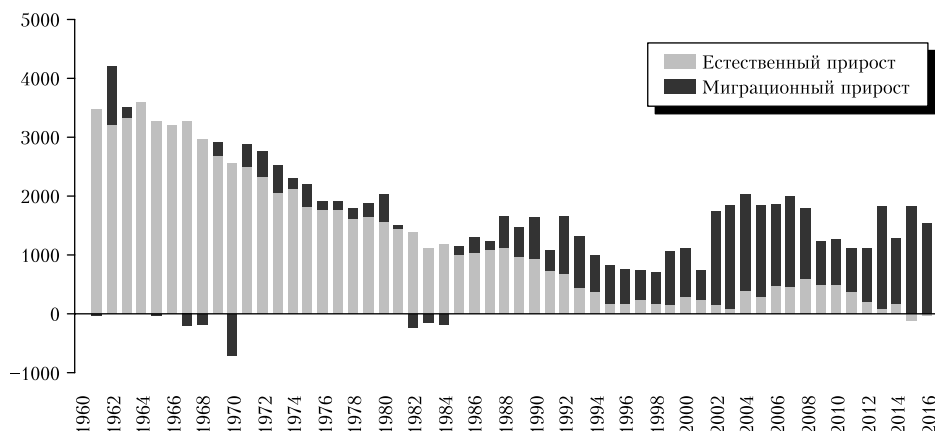
**Естественный прирост населения некоторых развитых стран,
2015—2100 гг. — средний вариант прогноза ООН 2017 г. (в ‰)**

Источник: UN DESA, 2017, File POP/3.

Рис. 1

Компоненты прироста (убыли) населения ЕС (ЕС-28), 1960–2016 гг. (тыс. человек)

Источник: Eurostat. Population change — Demographic balance and crude rates at national level [demo_gind] (Last update 06.09.2017).

Рис. 2

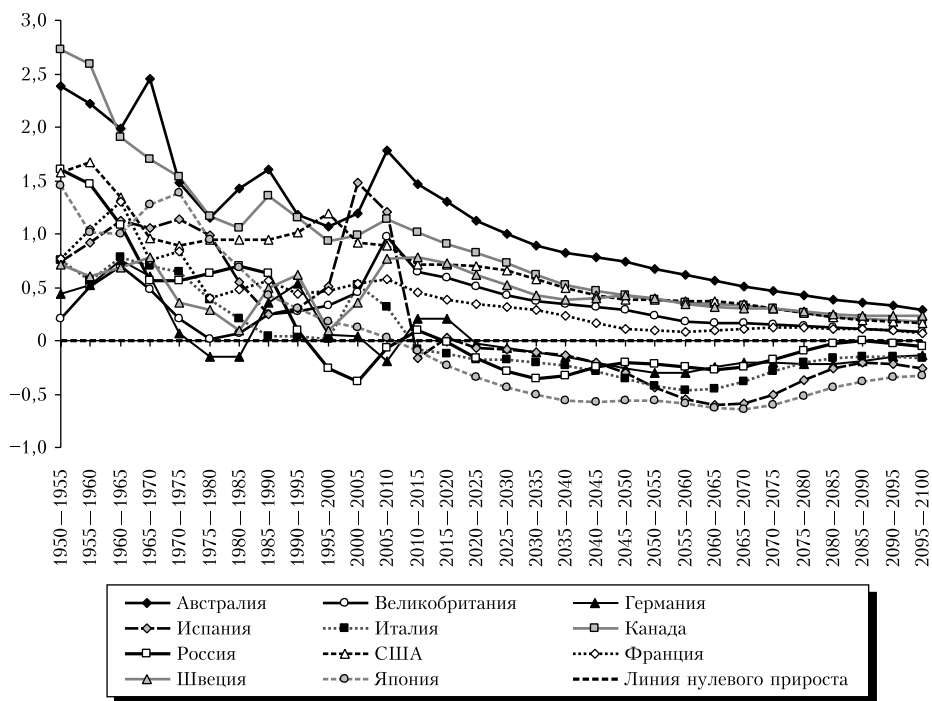
(рис. 2). Но уже в 1990-е годы ситуация кардинально изменилась, и миграционный прирост стал основным компонентом общего прироста населения. Всего за 1985–2016 гг. совокупная величина миграционного прироста населения ЕС-28 составила около 30 млн человек, а естественного — 14 млн, то есть вдвое меньше.

Миграция сыграла решающую роль в изменении численности населения ЕС и превратилась для него в важнейший демографический ресурс, но ее вклад не настолько велик, чтобы рассчитывать на сохранение значительного общего прироста населения. Согласно прогнозам, даже несмотря на миграцию, в одних странах рост населения существенно замедлится, а в других прекратится и сменится убылью (рис. 3).

Обсуждение вопроса о взаимной зависимости демографического и экономического роста имеет давнюю традицию, восходящую, по меньшей мере, к Мальтусу. В свое время С. Кузнец предпринял попытку «рассмотреть положительный вклад роста населения, полагая, что он должен перевесить отрицательный эффект» (Kuznets, 1960. P. 325), но в итоге пришел к выводу, что «главный вопрос нашего обсуждения, как и большинства исследований в области отношений между демографией и экономикой, остается открытым» (Kuznets, 1960. P. 339). К вопросу о позитивном влиянии роста населения на экономику ученые обращались и позднее, полагая, что в развитых экономиках «увеличение плотности населения в результате демографического роста и повышения уровня урбанизации способствует специализации и увеличению инвестиций в человеческий капитал, а также более быстрому накоплению новых знаний. Эта „растущая отдача“ от специализации и накопления знаний повышает подушевой доход по мере роста населения» (Becker et al., 1999. P. 146).

Хотя многие доводы в пользу того, что увеличение населения в развитых странах оказывает стимулирующее воздействие на экономический

Общий среднегодовой прирост населения некоторых развитых стран, 2015–2100 гг. — средний вариант прогноза ООН 2017 года (в %)

Источник: UN DESA, 2017, File POP/2.

Рис. 3

рост, кажутся убедительными, наличие такой связи едва ли можно считать строго доказанным. Но даже если все имеющиеся соображения о позитивном влиянии роста населения на экономику развитых стран в целом верны, то выигрыш от этого роста (соответственно проигрыш от его отсутствия, а тем более от убыли населения) следует оценивать в гораздо более широком контексте, с учетом других факторов и обстоятельств. Скажем, рост или убыль населения могут влиять на спрос и предложение на рынке труда или на потребительском рынке, и это влияние может быть сходным в разных странах. Но экономика — это не только спрос и предложение. Большое значение имеют плотность населения, освоенность территории, развитость поселенческой сети, наличие или отсутствие региональных центров и крупных городов и т. п. Соответственно одно дело, когда стабилизация численности населения или даже его некоторое сокращение наблюдаются в густонаселенных европейских странах, и совсем другое, когда это происходит в России на ее огромной слабозаселенной и недостаточно освоенной территории.

Даже если принять во внимание, что около 70% российских земель неблагоприятно для постоянной жизни, остающиеся 30% — порядка 5 млн кв. км, на которых проживает свыше 90% населения России, — освоены неравномерно. В наиболее плотно заселенных федеральных округах — Центральном и Северо-Кавказском — плотность населения по крайней мере вдвое ниже, чем в ЕС (117 человек на 1 кв. км), при-

мерно соответствую плотности заселения Северной Европы (55 человек на 1 кв. км). Европейская часть страны в целом сопоставима по заселенности с США (33 человека на 1 кв. км), а азиатская — с Австралией и Канадой (примерно по 3 человека на 1 кв. км). Почти половина жителей России проживает в двух федеральных округах — Центральном и Приволжском, а в Дальневосточном и Сибирском округах ($\frac{2}{3}$ территории России) живет менее 18% населения страны. Демографический потенциал Сибири и Дальнего Востока явно недостаточен для освоения расположенных здесь природных богатств и создания развитой, более или менее сплошной экономической и поселенческой структуры. К тому же население Азиатской части России убывает еще быстрее, а в 2013–2016 гг. оно росло медленнее, чем всей страны, что также отражает общую ограниченность российского демографического потенциала. Во внутрироссийских миграционных потоках сформировался так называемый «западный дрейф», население смещается на запад страны.

Это отражает конкуренцию регионов за людские ресурсы в условиях их явного дефицита и значительной неравномерности социально-экономического развития регионов. Нехватка людей сказывается и на росте городов, в том числе наиболее крупных. В период бурной урбанизации они росли за счет сельского населения, которое тогда казалось безграничным. Однако сейчас потенциал сельско-городской миграции в России почти исчерпан, что ограничивает возможности создания крупных городских агломераций, без которых не обходится ни одна современная страна.

Во всем мире такие агломерации выступают центрами экономического роста, производственными, торговыми, финансовыми лидерами, организующими и мобилизующими экономический потенциал обширных регионов. Но в России, особенно в ее восточной части, не хватает крупных городов и агломераций. Из имеющихся 15 российских городов-миллионников лишь три расположены к востоку от Урала. По-настоящему большими городами в России можно считать только Москву, число жителей которой превысило 12 млн человек, и Санкт-Петербург (более 5 млн жителей). Население Новосибирска превышает 1,5 млн человек, во всех остальных миллионниках оно меньше. Имеется еще 21 город с населением от 500 тыс. до 1 млн человек, но для огромной территории России этого мало. Крупные агломерации выступают опорными пунктами всей сети городов, центрами регионального развития, но выполнение обеих функций ослаблено маломощностью этого звена, организующего всю систему расселения, а в значительной степени — экономическую и социальную жизнь страны.

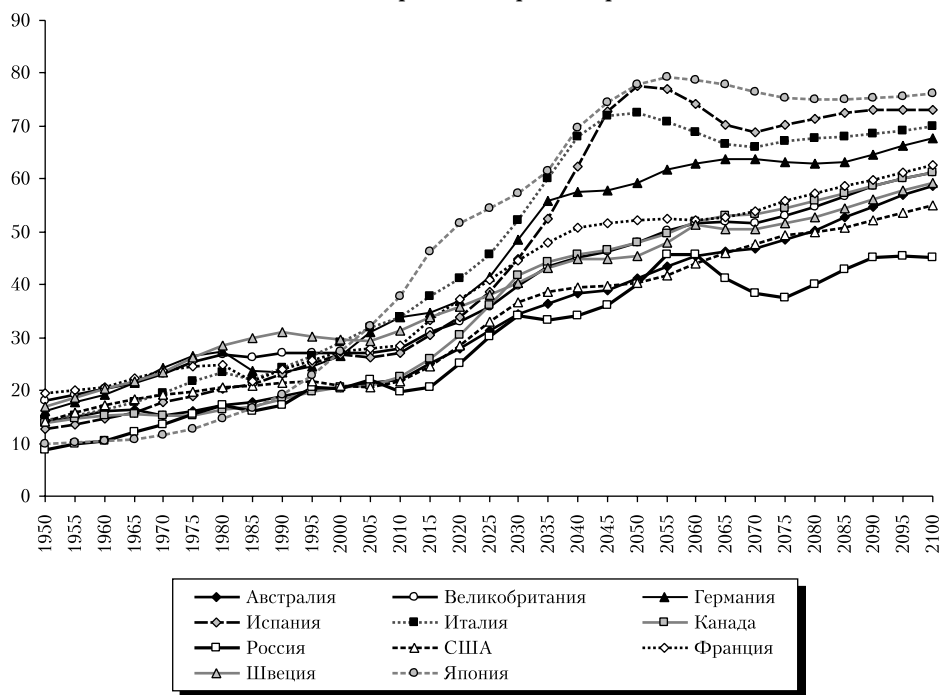
Изменить эту ситуацию в нынешних условиях невозможно. Крупные города притягивают население более мелких, но мобильного ресурса на всех не хватает, в частности вследствие сокращения — по демографическим причинам — численности молодежи. Немного расти за счет внутренней миграции могут примерно полсотни наиболее экономически успешных крупных городов, расположенных в обжитой части страны с относительно мягким климатом. Территория требует населения, и эту потребность невозможно закрыть ничем, кроме людей, но их в России недостаточно.

Изменение возрастной структуры населения как экономический вызов

Вторая характерная черта современных развитых обществ — кардинальное изменение возрастной структуры населения. Оно осознается обычно как «демографическое старение»: возрастают число и доля людей старших возрастов и соответственно увеличивается демографическая нагрузка пожилыми, которая ложится на трудоспособное население¹. В середине XX в. число пожилых людей в послерабочих возрастах в расчете на 100 человек в рабочем возрасте обычно нигде не превышало 20, сейчас оно, напротив, как правило, выше 20, во многих случаях — выше 30, а в Японии — даже выше 40. Однако старение продолжается, и, судя по прогнозам, к середине текущего века во всех странах будут установлены новые рекорды, число пожилых на 100 трудоспособных даже в России превысит 40, а в Японии приблизится к 80 (рис. 4).

Рост числа и доли пожилых — феномен хорошо известный, обсуждение его экономических и социальных последствий и связанных с ними

Число пожилых (65 лет и старше) на 100 лиц в возрасте 20–64 года в некоторых развитых странах, 2015–2100 гг. — средний вариант прогноза ООН

Источник: UN DESA, 2017, File POP/13-B.

Рис. 4

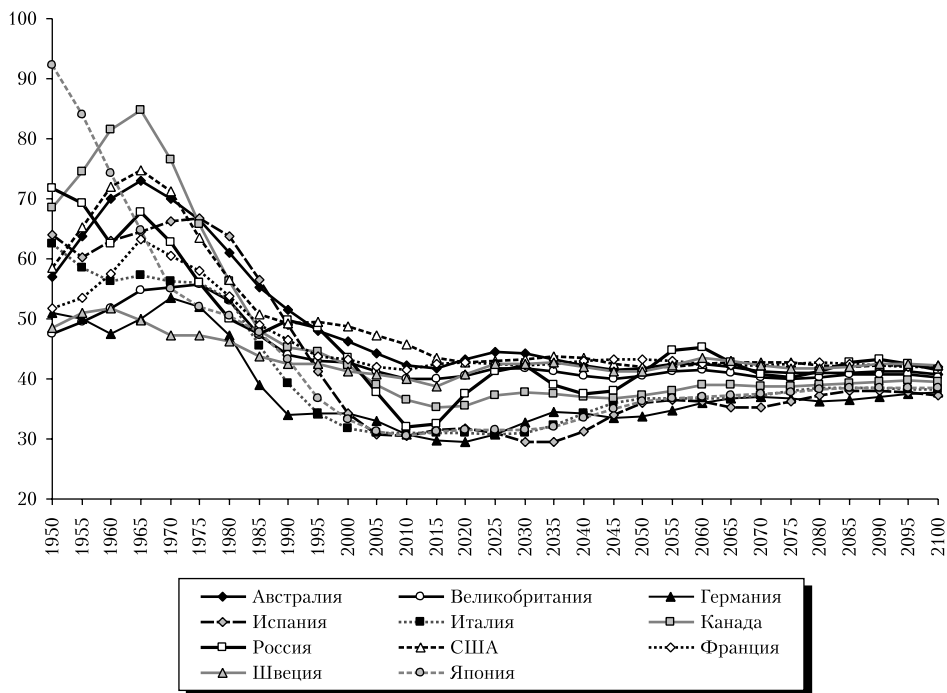
¹Чтобы унифицировать показатели и обеспечить их международную сопоставимость, к трудоспособным (рабочим) возрастам в статье, если не оговорено иное, отнесено население в возрасте 20–64 года.

проблем ведется давно. Однако при этом часто остаются в тени другие существенные процессы и проблемы, также обусловленные неизбежными изменениями возрастного состава в процессе демографического перехода.

Как бы ни был важен рост нагрузки пожилыми, это лишь часть нагрузки, которая ложится на плечи населения в рабочем возрасте. Вторую ее часть составляет нагрузка детьми — частью населения, которая находится в дорабочем возрасте. В процессе демографического перехода эта нагрузка сначала быстро падает, но со временем стабилизируется (рис. 5).

В конечном счете, по крайней мере с экономической точки зрения, важна совокупная нагрузка, включающая обе части. На протяжении второй половины XX в. снижение нагрузки детьми с избытком компенсировало рост нагрузки пожилыми, вследствие чего совокупная нагрузка снижалась. Но вблизи рубежа веков, когда доля детей в населении стабилизировалась, а доля пожилых продолжала повышаться, начала расти и совокупная нагрузка. В Германии этот перелом наступил около 1990 г., в Италии, Франции и Японии — около 1995 г., в Испании и Швеции — около 2005 г., в России, как и в Австралии, Великобритании и США, — около 2010 г. Прогнозы предсказывают дальнейший значительный рост совокупной демографической нагрузки на население в рабочих возрастах (рис. 6).

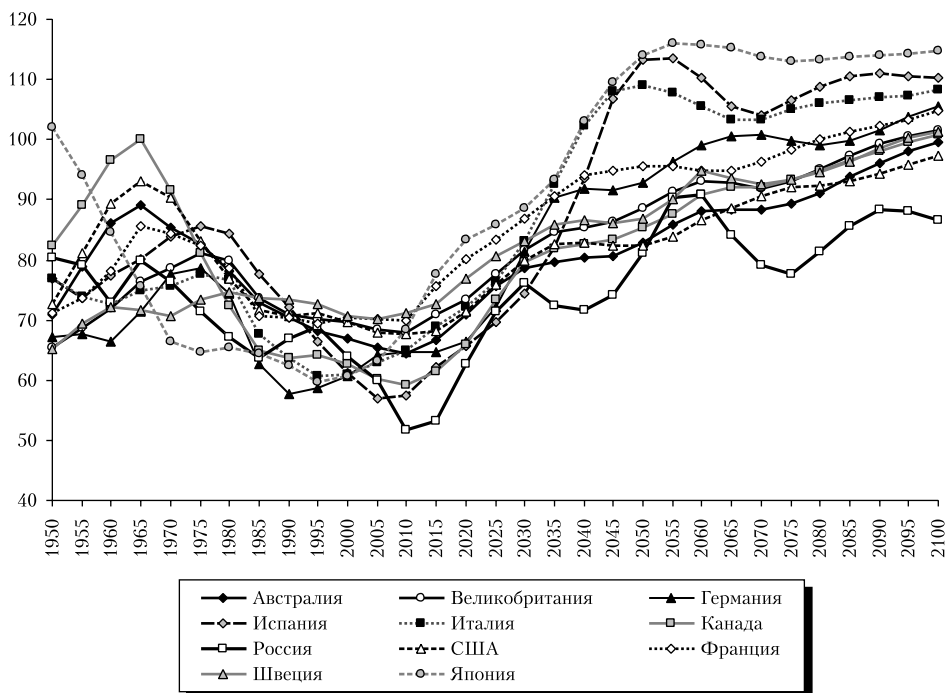
Численность детей и молодежи до 20 лет на 100 лиц в возрасте 20—64 года в некоторых развитых странах, 2015—2100 гг. — средний вариант прогноза ООН

Источник: UN DESA, 2017, File POP/12-B.

Рис. 5

**Общая нагрузка детьми и пожилыми (до 20 и старше 64 лет)
на 100 лиц в возрасте 20–64 года в некоторых развитых странах,
2015–2100 гг. — средний вариант прогноза ООН**

Источник: UN DESA, 2017, File POP/11-B.

Рис. 6

Развитие экономики в условиях быстрого роста демографической нагрузки — новая ситуация, с которой прежде ни одна стареющая страна не сталкивалась. Имеет значение не только сам факт роста совокупной нагрузки, но и то, что он начался после периода ее сокращения, экономика в широком смысле была «избалована» благоприятными демографическими изменениями и едва ли способна легко приспособиться к тому, что они становятся куда менее благоприятными.

Демографические особенности России

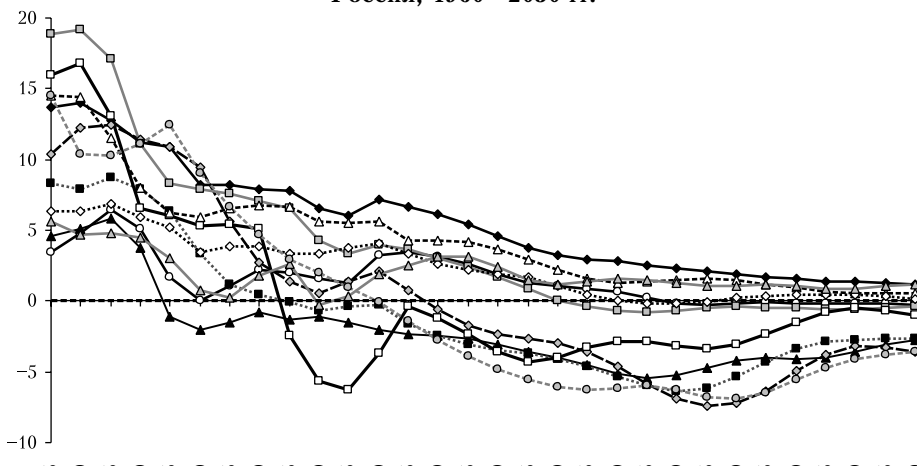
Сказанное относится ко всем странам, но, пожалуй, для России проблема стоит особенно остро. Как видно на рисунке 6, для нее перепад оказывается очень резким. От снижения демографической нагрузки с середины 1990-х до конца 2000-х годов она выиграла больше других стран, в 2011 г. нагрузка достигла небывалого минимума (51 на 100 лиц в возрасте 20–64 года). Это снижение, скорее всего, внесло существенный и, видимо, недооцененный вклад в экономическое благополучие «тучных» лет (обычно все сводят в основном к благоприятной динамике мировых цен на нефть). По оценке экспертов Всемирного банка, почти $\frac{1}{3}$ роста ВВП на душу населения с 1997 по 2011 г. была

достигнута в России за счет благоприятных демографических изменений (Всемирный банк, 2015. С. 11).

Но затем начался рост нагрузки, и он будет продолжаться с некоторыми колебаниями на протяжении всего обозримого периода. Демографическая нагрузка намного превысит ее нынешний уровень² — только к началу 2030-х годов она вырастет на 40–50%, а затем, после некоторого замедления, ее рост возобновится (рис. 7). Аналогичный рост доли социальных расходов за это время мало реален, а если и возможен, то лишь за счет других расходных статей, что в любом случае породит серьезные экономические напряжения и, при прочих равных условиях, может привести как к снижению уровня жизни населения, а значит, и потребительского спроса, так и к сокращению инвестиционных возможностей. И то и другое будет иметь своим следствием замедление экономического роста.

Может показаться, что мы излишне драматизируем ситуацию, поскольку рост демографической нагрузки в ближайшие десятилетия лишь возвращает ее примерно на уровень, на каком она находилась в 1960-е годы. Но и тогда очень высокая демографическая нагрузка была серьезным бременем для экономики, испытывавшей серьезные трудности. Последние объясняли разными причинами, демографичес-

**Совокупная демографическая нагрузка детьми и пожилыми
(до 20 и старше 64 лет) на 100 лиц в возрасте 20–64 года.
Россия, 1960–2050 гг.**

Источники: до 2015 г. включительно — данные Росстата; 2016–2050 гг. — три варианта прогноза ИДЕМ НИУ ВШЭ.

Рис. 7

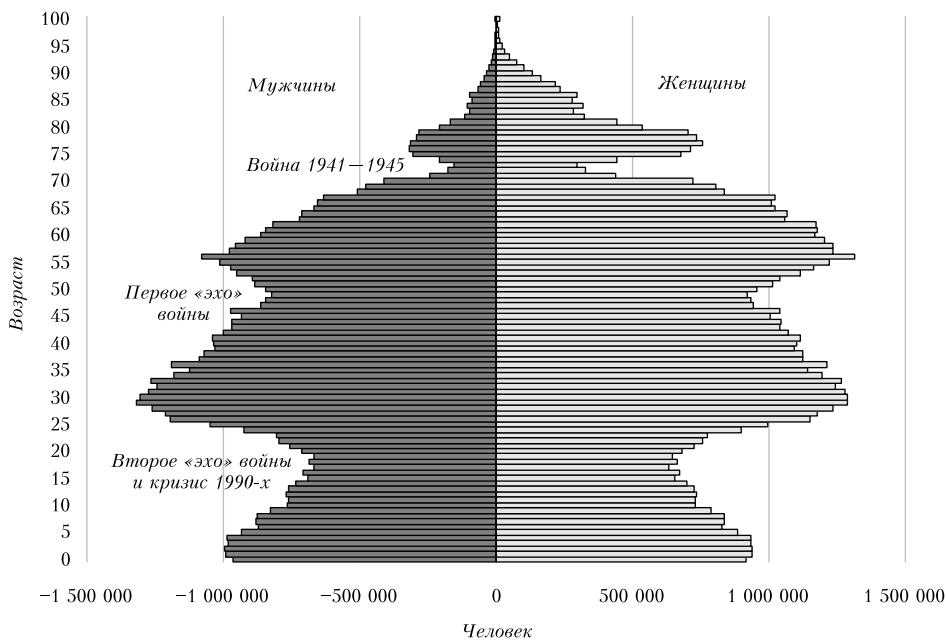
² В дальнейшем в статье используются результаты аналитического прогноза населения России до 2050 г., выполненного Институтом демографии (ИДЕМ) НИУ ВШЭ в 2016 г. При составлении прогноза разработаны по три сценария изменения рождаемости и смертности, четыре сценария изменения миграции (включая сценарий нулевой миграции). В результате рассмотрения всех возможных комбинаций этих сценариев было получено 36 вариантов прогноза. На рисунке 7 приведены 3 из 36 вариантов прогноза: наиболее оптимистический (верхний); средний; наиболее пессимистический (нижний). Верхний вариант получен объединением верхних сценариев рождаемости, смертности и миграции, средний — средних, нижний — нижних сценариев.

кие при этом обычно не назывались, но это не значит, что их не было. Кроме того, помимо абсолютного уровня демографической нагрузки, важны направление ее изменений, их продолжительность и разница между начальным и конечным уровнями. Как можно видеть на рисунке 7, тенденции к снижению нагрузки в последние 50 лет, даже несмотря на их сравнительно краткосрочное ухудшение во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов, разительно отличаются от ее стремительного взлета, которое стране предстоит пережить всего за 15–20 лет.

Особенности возрастного состава населения России обусловлены тем, что он испытывает влияние не только переживаемого всеми странами эволюционного процесса старения, но в значительно большей мере, чем в других странах, и пертурбационных факторов, обусловленных историческими событиями первой половины XX в. или их «эха». Они сильно деформировали российскую возрастную пирамиду (рис. 8), обусловили волнообразную динамику численности всех возрастных групп и резкие перепады соотношения между ними как в прошлом, так и в будущем.

Этим обусловлена неравномерная динамика численности трудовых ресурсов, формируемых поколениями, вступающими в рабочий возраст и выходящими из него. На рисунке 9 показано ежегодное соотношение численности молодых людей, вступающих в рабочий возраст, и пожилых людей, выходящих из него, начиная с 1959 г. (в качестве нижней и верхней границ рабочего возраста приняты 20 и 60 лет).

**Возрастная пирамида населения России
на начало 2017 г.**

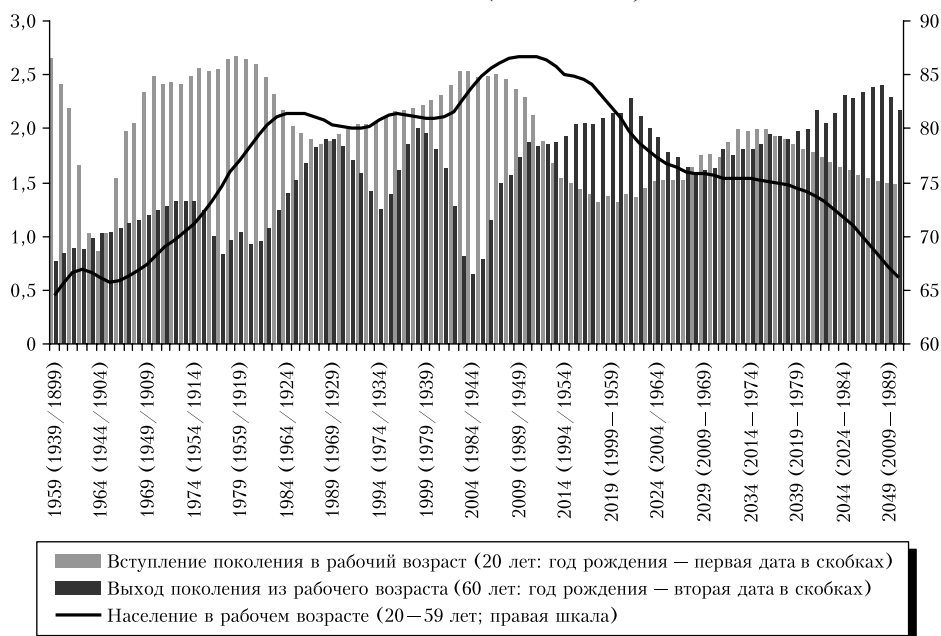
Источник: данные Росстата.

Рис. 8

На левой части графика представлена фактическая картина обновления трудовых ресурсов за последние 55 лет. За это время Россия пережила по меньшей мере три периода ухудшения соотношения «вход–выход» для рабочих возрастов, когда малочисленные поколения работников, родившиеся в периоды низкой рождаемости (война и два ее «эха» — около 1968 и 1993 гг.), приходили на смену многочисленным поколениям, родившимся на 40 лет ранее. Виден и еще один период ухудшения этого соотношения, правда не столь значительного, который совпадает не со снижением численности входящих, а с ростом численности выходящих поколений, родившихся в период кратковременного подъема рождаемости в конце 1930-х годов.

Вопрос о влиянии отмеченных перепадов численности возрастных групп, вступающих на рынок труда и покидавших его, на экономические процессы, насколько нам известно, специально не изучался. Но отметим, что, несмотря на все перепады, общая численность населения в рабочих возрастах в основном росла, иногда приостанавливаясь, но практически никогда не снижаясь. Эта благополучная динамика резко контрастирует с предсказаниями всех прогнозов. Страна вступила в период постоянного сокращения численности трудовых ресурсов, который не окончится и к середине текущего века. По среднему варианту прогноза, который представлен на рисунке 9, население России в 2050 г. будет превышать 142 млн человек, а численность населения в основных рабочих возрастах окажется примерно такой же, как в 1960 г., когда число жителей России составляло всего 119 млн человек.

Население в рабочем возрасте в 1959–2050 гг., вступление в этот возраст (в 20 лет) и выход из него (в 60 лет) по поколениям (млн человек)

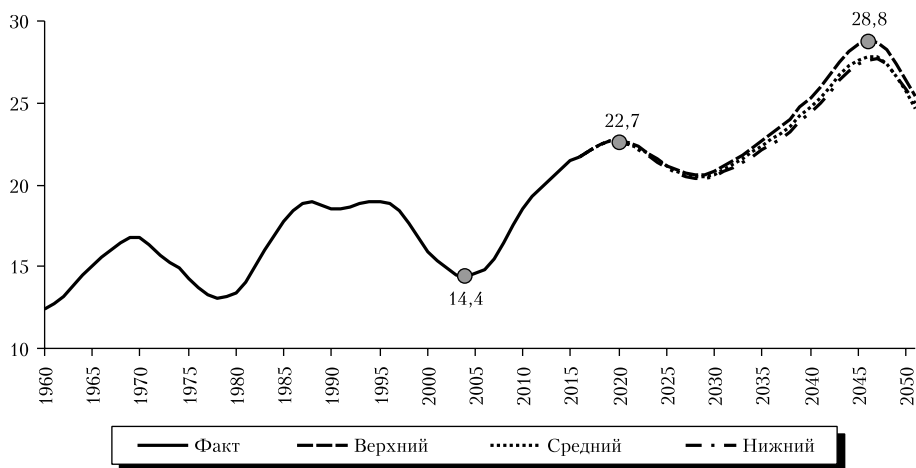
Источники: До 2015 г. включительно — данные Росстата; начиная с 2016 г. — средний вариант прогноза ИДЕМ НИУ ВШЭ.

Рис. 9

Старение трудовых ресурсов

Помимо того, что Россия вступает в период снижения численности и доли населения в основных трудоспособных возрастах, наблюдается старение этой группы населения. В начале 1960-х годов на старшую группу населения рабочих возрастов (55–64 года) в России приходилось немногим более 12% всего населения в возрасте 20–64 года. Затем этот показатель то повышался, то падал, в середине 2000-х годов он опустился ниже 15%. Но потом начался его быстрый рост, за 10 лет доля старшей рабочей группы увеличилась на 7 п. п. Пройдя очередной цикл колебаний, показатель снова несколько снизится во второй половине 2020-х годов, а потом начнется его рост (рис. 10).

**Доля старшей группы (55–64 года) в населении
рабочего возраста (20–64 года) в 1960–2050 гг. (в %)**

Источники: До 2015 г. включительно – данные Росстата; начиная с 2016 г. – три варианта прогноза ИДЕМ НИУ ВШЭ.

Рис. 10

Старение рабочей силы идет во всех развитых странах. Этому вопросу было посвящено специальное исследование: Aiyar et al., 2016, из него заимствована приводимая ниже таблица 1, в которую добавлена Россия (в таблице нижняя граница трудоспособного возраста определена иначе, чем на рисунке 10).

Как видим, сейчас в России – в отличие от других европейских стран – высока доля старшей группы трудоспособного возраста, однако в будущем многие страны обгонят ее по этому показателю, в некоторых он превысит 20 и даже 25%. Если учесть, что реальный выход на рынок труда по достижении 15 лет в европейских странах – редкость, то доля пожилых людей в составе трудовых ресурсов окажется еще выше.

Вопрос о влиянии старения трудовых ресурсов на эффективность производства давно обсуждается в литературе, в том числе отечественной (см., в частности: Вишнеvский, 1970; 2005). Сейчас, как и десяти-

Фактическая и прогнозируемая доля возрастной группы 55–64 года в населении 15–64 года (в %)

Страна	2014	2020	2025	2030	2035
Австрия	11,3	15,6	16,9	16,3	15,5
Бельгия	12,9	16,6	16,4	15,9	15,7
Великобритания	14,7	16,8	17,6	17,0	15,9
Венгрия	14,1	17,1	19,8	23,4	26,5
Германия	18,2	22,0	23,7	21,7	20,1
Греция	11,5	18,5	21,3	23,7	25,4
Дания	16,3	19,2	20,3	20,3	19,2
Ирландия	13,4	15,5	16,9	19,2	21,5
Испания	13,1	19,0	22,2	25,4	27,5
Италия	14,8	19,9	23,6	25,8	25,8
Латвия	16,8	18,1	18,5	19,3	19,0
Литва	16,3	18,0	19,1	19,8	19,2
Люксембург	10,3	12,7	13,4	12,9	12,2
Нидерланды	16,2	18,5	20,2	19,6	17,8
Норвегия	16,6	17,2	17,9	17,9	16,8
Польша	14,5	14,2	14,4	16,7	20,4
Португалия	14,9	18,4	20,4	22,5	24,1
<i>Россия</i>	19,5	21,0	19,3	18,5	20,1
Словакия	13,6	14,9	15,2	17,2	20,6
Словения	11,4	17,2	18,9	19,3	20,4
Финляндия	18,2	18,9	18,3	16,7	16,8
Франция	14,3	15,8	17,4	17,6	16,6
Чехия	15,5	15,0	16,3	20,0	23,7
Швеция	18,0	17,9	18,6	18,8	18,2
Эстония	17,8	18,9	19,1	20,8	21,7

Источники: Aiyar et al., 2016. P. 5; данные по России – средний вариант прогноза ИДЕМ НИУ ВШЭ.

летия назад, говорят как о позитивном вкладе накопленных знаний и опыта работников старших возрастов, так и о негативном влиянии устаревающего багажа знаний, полученных пожилыми работниками в период обучения до выхода на рынок труда, на производительность и способность адаптироваться к технологическим инновациям. К этому добавляются снижение межотраслевой и географической мобильности старших поколений работников и их более низкая экономическая активность. Отрицательно сказывается на производительности ухудшение здоровья стареющих работников, часть из них уходит с рынка труда даже до достижения официально установленного возраста выхода на пенсию (Dixon, 2003. P. 70–72).

В целом исследователи чаще приходят к выводу, что негативные последствия старения рабочей силы перевешивают позитивные, даже если последние имеют место. По оценке авторов упомянутого выше исследования, на протяжении последних 20 лет старение рабочей силы снижало темпы роста общей факторной производительности (total factor productivity) в еврозоне на 0,1 п. п. ежегодно. По их же оценке, увеличение доли возрастной группы 55–64 года в составе рабочей силы на 1 п. п. приведет к снижению общей факторной производи-

тельности примерно на $\frac{4}{5}$ п. п. Это означает, что до 2035 г. старение рабочей силы будет ежегодно сокращать рост общей факторной производительности в еврозоне примерно на 0,2 п. п. Если учесть, что ее прогнозируемый среднегодовой рост в Европе составляет около 1 п. п., то при отсутствии старения рабочей силы он мог быть примерно на $\frac{1}{4}$ выше прогнозируемого до 2035 г. (Aiyar et al., 2016. P. 7–8, 15).

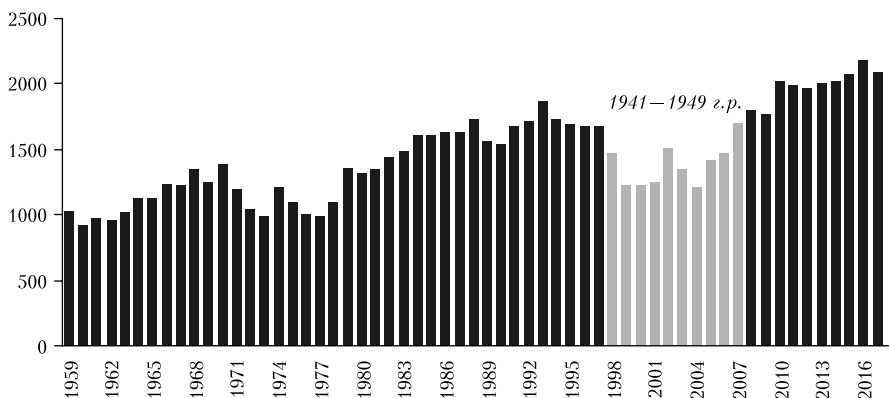
Правда, авторы цитируемого исследования не считают такое замедление роста производительности фатальным и полагают, что его можно существенно уменьшить с помощью разумных мер социальной и экономической политики. В число этих мер входят расширение доступа к медицинским услугам, улучшение обучения и переобучения рабочей силы, повышение гибкости рынка труда за счет уменьшения налогового клина, активизация инновационных научно-исследовательских разработок с целью облегчить адаптацию работников, в том числе пожилых, к меняющейся глобальной среде. Однако эти и другие подобные меры никогда не бывают бесплатными, а сокращение и старение трудоспособного населения сужают возможности проводить эффективную экономическую и социальную политику.

Пенсионный ребус

Особую остроту меняющаяся демографическая ситуация придает вопросу об обеспечении безбедной старости людям, завершившим свою трудовую деятельность и живущим на пенсию. Естественное следствие старения населения — постоянно растущая нагрузка пожилыми на одного человека в рабочем возрасте — с очевидностью ставит под сомнение схемы пенсионного обеспечения, которые сложились в период, когда она была намного ниже и не изменялась. Существуют различные подходы к реформированию пенсионных систем, это особый вопрос, обсуждение которого в полном объеме выходит за рамки настоящей статьи. Остановимся лишь на вопросах, которые вытекают из собственно демографических изменений.

Экономическая логика подсказывает, что в условиях старения населения, роста числа пожилых людей и увеличения нагрузки на одного трудоспособного целесообразно повысить возраст выхода на пенсию, что одновременно увеличит численность населения в рабочем возрасте и сократит число получателей пенсий. В России к такому решению подталкивает и неблагоприятная в данный момент демографическая конъюнктура. Совсем недавно на какое-то время затормозился процесс старения, и с конца 1990-х годов перестало расти число лиц, достигающих стандартного пенсионного возраста (55 лет для женщин и 60 лет для мужчин). Это был еще один подарок экономике «тучных» 2000-х, облегчение для пенсионного фонда — в пенсионные возраста вступали малочисленные поколения, родившиеся в военные годы (рис. 11). Но затем, напротив, пошли многочисленные поколения послевоенных лет рождения, и ситуация изменилась. За девять лет — с 1998 по 2006 г. — стандартного пенсионного возраста достигли 12,1 млн человек, а за следующие девять лет — с 2007 по 2015 г. —

**Население обоих полов, достигавшее пенсионного возраста
(55 лет для женщин и 60 лет для мужчин)
в 1959–2014 гг. (тыс. человек)**

Источник: Демографический ежегодник России за разные годы. М.: Росстат.

Рис. 11

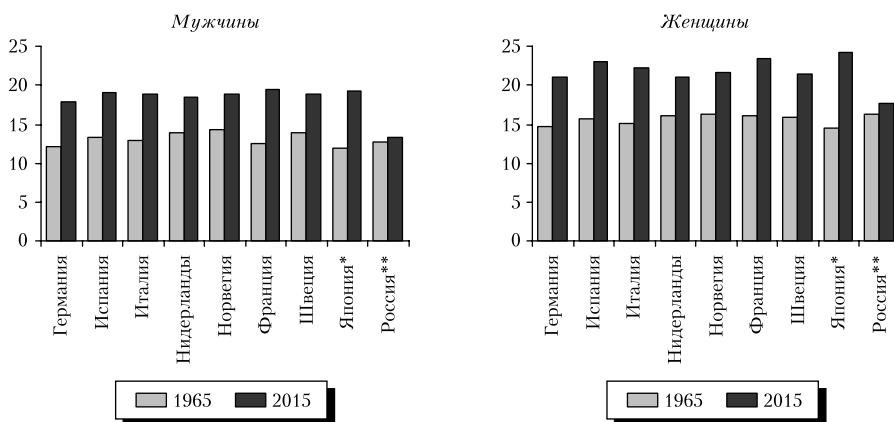
17,4 млн. В дальнейшем число пожилых людей будет только расти. Так что идея о повышении возраста выхода на пенсию обсуждается не случайно.

Исходя из абстрактных соображений, у этой идеи могут быть не только экономические, но и демографические основания. Объективные исторические изменения нередко не только порождают новые проблемы, но и создают возможности их решения. Это относится и к старению населения. Демографы различают два вида старения: «старение снизу» и «старение сверху». Старение снизу обусловлено снижением рождаемости, которое приводит к сужению основания возрастной пирамиды и соответственно к увеличению «веса» ее верхней части. Это само по себе не увеличивает нагрузку на трудоспособное население, хотя и создает проблемы позднее, когда относительно малочисленное поколение детей достигает трудоспособного возраста, а многочисленные поколения недавних работников становятся пенсионерами.

Но процессы, которые запустили все демографические перемены XX в., прежде всего так называемая «эпидемиологическая революция» («эпидемиологический переход»), обусловившие быстрое снижение смертности, добрались и до верха возрастной пирамиды. Ранние этапы этой революции были связаны с установлением контроля над инфекционными заболеваниями, что привело к резкому снижению детской смертности. Но примерно с 1960-х годов, когда задачи борьбы с инфекционными заболеваниями были в основном решены, началось энергичное наступление на неинфекционные хронические заболевания и внешние причины смерти («вторая эпидемиологическая революция»). Тогда и началось заметное снижение смертности в старших возрастах, что привело к «старению сверху». Доля пожилых людей стала увеличиваться не потому, что рождалось меньше детей, а потому, что больше людей стало доживать до пожилого возраста и дольше жить уже в преклонных годах.

Последние полвека ознаменовались большими успехами в повышении долголетия пожилых. Ожидаемая продолжительность жизни и мужчин, и женщин, достигших 65 лет, с 1965 г. выросла во многих странах на 5–7 лет, в Японии ожидаемая продолжительность жизни 65-летних женщин увеличилась почти на 10 лет (рис. 12).

Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 65 лет в 1965 и 2015 гг. в некоторых странах (лет)

* 2014 г. ** 2016 г.

Источники: Евростат; Росстат.

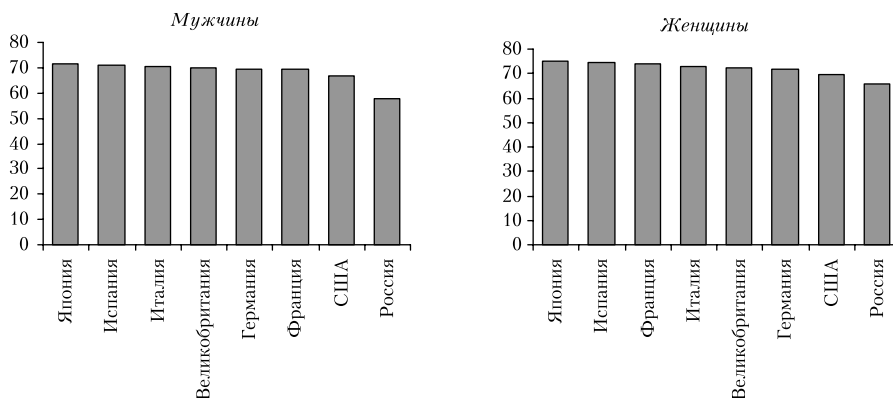
Рис. 12

Такой рост создает объективные основания для удлинения трудовой жизни при сохранении того же, что и прежде, периода жизни на пенсии. Однако на рисунке 12 видно, что в России этого роста почти не было, «вторая эпидемиологическая революция» у нас пока не произошла (Вишнеvский, 2014). Стагнация ожидаемой продолжительности жизни в старших возрастах означает, что с демографической точки зрения оснований для повышения возраста выхода на пенсию нет. При типичном для многих европейских стран возрасте выхода на пенсию 65 лет после завершения трудовой деятельности мужчина может прожить еще в среднем 18–19 лет, женщина — 21–23 года. У нас этот запас жизни «на заслуженном отдыхе» при европейском возрасте выхода на пенсию окажется на 5–6 лет меньше.

К этому следует добавить, что, по имеющимся оценкам, в России существенно ниже, чем в других странах, продолжительность здоровой жизни (рис. 13). Это отставание, с одной стороны, затрудняет более позднее завершение трудовой деятельности для значительной части работников, здоровье которых серьезно пошатнулось раньше, чем они достигли пенсионного возраста, а с другой — ставит под сомнение экономическую эффективность использования труда работников старших возрастов, отягощенных хроническими заболеваниями или инвалидностью.

Проблема экономического ущерба вследствие плохого состояния здоровья, особенно работников старших возрастов, существует

Ожидаемая продолжительность здоровой жизни при рождении (лет)

Источник: GBD, 2016.

Рис. 13

езде. В странах ЕС расходы на пособия по инвалидности и оплату отпусков по болезни превышают затраты на пособия по безработице. Анализ данных по 14 европейским странам за 2013 г. показал, что если занятость здоровых людей в возрасте 50–59 лет в среднем составляет 74%, то при наличии одной хронической болезни она снижается до 70%, а при наличии двух и более — до 54% (OECD/EU, 2016. P. 20–21).

Учитывая меньшую продолжительность как общей, так и здоровой жизни в России, особенности российской структуры причин смерти и ряд других характеристик, можно предположить, что состояние здоровья населения России в предпенсионных и ранних пенсионных возрастах существенно хуже, чем в странах ЕС. Соответственно острее будут и проблемы, связанные с продлением времени пребывания работников старших возрастов на рынке труда при повышении возраста выхода на пенсию, и намного ниже — экономическая эффективность их использования.

Поскольку возможности, которые открывает «вторая эпидемиологическая революция», не были в должной мере осознаны и использованы в России, мы пришли к необходимости повысить пенсионный возраст, не реализовав потенциал, объективно заложенный в самой сути исторических демографических перемен. Демографическое старение не сопровождалось у нас смещением возраста фактической старости, как в других странах. Причины этого многообразны, но, несомненно, одно из главных мест занимают экономические. Прорыв, который совершили многие страны, добившиеся сдвига границы старости своего населения, был бы невозможен без роста расходов на охрану здоровья и жизни людей. Эти расходы растут и у нас, но неустойчиво (табл. 2), в России на охрану здоровья расходуется значительно меньшая доля ВВП, чем, в частности, в странах, представленных на рисунке 14, при этом в последних ВВП на душу населения по ППС превышает российский в два раза и более.

Долговременная, еще с советских времен, экономия на затратах на охрану здоровья, в том числе в период, когда, как в 2000-е годы, экономическая и демографическая ситуация была более благоприятной, сегодня оборачивается неготовностью ответить на экономические вызовы старения населения, какой бы вариант развития пенсионной системы ни был избран.

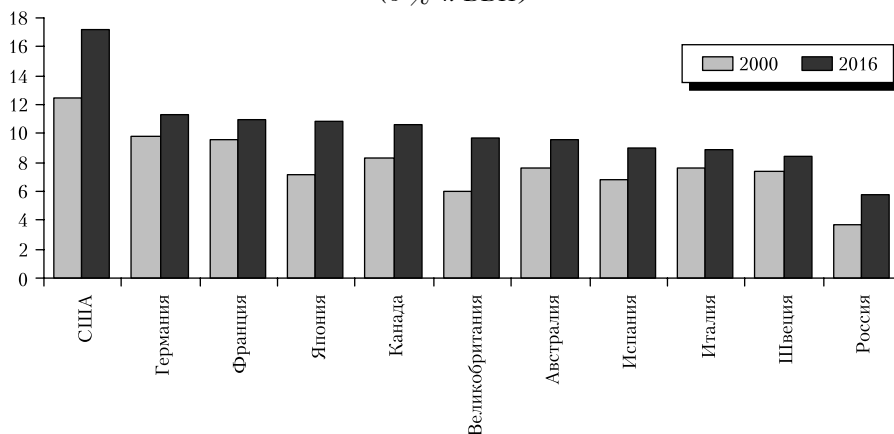
Т а б л и ц а 2

Затраты на охрану здоровья в России из консолидированного бюджета и общие затраты с учетом оплаты населением медицинских и санаторно-оздоровительных услуг (в % ВВП)

Год	Затраты консолидированного бюджета	Общие затраты с учетом оплаты населением медицинских и санаторно-оздоровительных услуг
2000	2,1	3,7
2001	2,0	3,8
2002	2,3	4,1
2003	2,1	4,0
2004	2,0	3,8
2005	3,5	5,2
2006	3,4	4,9
2007	3,9	5,5
2008	3,5	5,1
2009	4,0	6,0
2010	3,4	5,4
2011	3,2	4,9
2012	3,4	5,1
2013	3,3	5,1
2014	3,2	5,1
2015	3,4	5,5
2016	3,6	5,8

Источник: Здравоохранение России за разные годы. М.: Росстат.

Расходы на охрану здоровья в некоторых странах (в % к ВВП)

Источники: OECD.Stat. Health expenditure and financing, <http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=SHA>; Росстат.

Рис. 14

Миграционный ресурс

Рассуждая теоретически, ответить на демографические вызовы, с которыми российская экономика сталкивается сегодня и в еще большей мере будет сталкиваться завтра, можно с помощью миграционного ресурса. Если население России сейчас растет, то почти исключительно за счет иммиграции. Даже когда население страны убывало (в 1993–2008 гг.), иммиграция на 60% компенсировала его естественную убыль. Население России за эти годы сократилось на 5,2 млн человек, но если бы не иммиграция, то сокращение составило бы 13,2 млн. Всего за 1992–2016 гг. миграционный прирост населения России превысил 9 млн человек. Роль иммиграции как основного источника роста населения России сохранится и в будущем, причем масштабы миграционного притока должны быть достаточно большими. Только чтобы компенсировать неизбежную естественную убыль населения и избежать сокращения численности населения России, надо принимать 500 тыс. мигрантов в год, если не больше.

В практической политике демографическое значение иммиграции часто недооценивается, эксперты и политики, как правило, связывают вопрос о ней в первую очередь с состоянием рынка труда, и это, безусловно, очень важный аспект проблемы иммиграции. По сути, современная массовая миграция в европейские страны началась именно как миграция гастарбайтеров и только потом переросла в постоянную миграцию, которая так беспокоит сегодня европейцев. Ставшая расхожей фраза швейцарского писателя М. Фриша о том, что «хотели рабочих, а получили людей», отражает осознание этого факта.

Если говорить о российской реальности, то нуждаются в переосмыслении оба аспекта проблемы иммиграции. Ответ на вызовы рынка труда нельзя рассматривать в отрыве от ответа на вызовы недонаселенности, о котором говорилось выше, потребность в рабочих руках не должна отодвигать на второй план еще более важную потребность страны в людях.

Разумеется, рынок труда диктует свои условия, сейчас в России он явно сталкивается с проблемами, которые вряд ли можно решить без привлечения мигрантов. Не случайно «оптимизация потоков трудовой миграции исходя из потребностей национальной экономики» рассматривается как одна из важных задач стратегического экономического планирования³.

Численность населения в возрасте 20–64 года — основного контингента трудоспособного населения — после 2012 г., как мы видели, сокращается, и к началу 2030-х годов это сокращение составит 10–12 млн человек. При этом доля младшей возрастной группы (20–39 лет) по отношению ко всему контингенту к 2032 г. снизится с 48 до 37%. Приспособиться к столь быстрому и значительному сжатию предложения без привлечения дополнительных мигрантов рынок

³ Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705150001.pdf>

труда едва ли сможет, особенно учитывая, что еще недавно ситуация была противоположной, и рынок труда привык к неуклонному росту численности и доли трудоспособного населения.

Запрос рынка труда на работников-мигрантов имеет не только количественный, но и качественный аспект. Сейчас нет ясного представления о том, в каких именно работах будет нуждаться российская экономика в ближайшие 10–20 лет. Согласно широко распространенным взглядам, требуются квалифицированные иммигранты, хотя понятие «квалифицированный» обычно не определяется, и непонятно, идет речь о квалифицированных рабочих и земледельцах или только о топ-менеджерах и исследователях высшей квалификации. В то же время неясно, за счет кого будет удовлетворяться потребность в работах массовых профессий в сфере обслуживания, торговле, строительстве, коммунальном хозяйстве и т. п., квалификационные требования к которым не столь высоки, хотя спрос на них весьма значителен. Ориентация на приток извне квалифицированной рабочей силы плохо увязывается с повышенным спросом на молодых работников, который вытекает из быстрого старения собственного трудоспособного населения.

В достаточно массовых потоках трудовой миграции из Средней Азии или других развивающихся азиатских стран, на которые может рассчитывать Россия, неизбежно будет много молодежи, но соответственно будет высока доля низкоквалифицированной рабочей силы, вчерашних крестьян, не подготовленных или плохо подготовленных к городским видам деятельности и способных заполнять лишь нижние этажи профессиональной пирамиды. Но на их дешевый неприятельный труд всегда есть спрос, за счет именно такой миграции сформировалось городское население России и других стран, которое стало образованным и квалифицированным, уже живя в городах.

Потребности рынка труда в притоке рабочей силы извне могут быть в значительной степени покрыты за счет временной трудовой миграции, гастарбайтеров. Однако такая миграция дает ограниченный ответ на экономические и не дает ответа на демографические вызовы. Она не позволяет поддерживать или даже наращивать численность населения страны или хотя бы ее слабозаселенных регионов. Поэтому разумная стратегия должна быть ориентирована на одновременный ответ и на те, и на другие вызовы.

Уже в советское время и в общественном мнении, и в официальном дискурсе существовало ясное представление о заинтересованности российских регионов в притоке мигрантов, которые рассматривались и как экономический, и как демографический ресурс. В 1970–1980-е годы много говорилось о необходимости привлекать в «трудонедостаточные» районы России — Центральную Россию, Сибирь, на Дальний Восток — население из других частей СССР, особенно из перенаселенной Средней Азии, в ряде документов это было сформулировано как официальная позиция (см., в частности, материалы XXVI съезда КПСС в 1981 г.). В целом это отражало тогдашние взгляды экспертного сообщества, хотя реальный приток представителей народов южных республик (тогда — внутренних мигрантов в пределах СССР) был небольшим.

Сейчас положение коренным образом изменилось — и сразу в двух направлениях. С одной стороны, долгожданные мигранты

из Средней Азии поехали в Россию, а с другой — они перестали быть долгожданными. И в общественном мнении, и в политическом дискурсе все чаще видно желание как можно больше ограничить приток мигрантов из Средней Азии — ее коренного населения, ставшего после завершения «репатриации» выходцев из России основным источником миграционных потоков в нее. Между тем объективная ситуация невозможности «осуществления программ освоения Западной Сибири, зоны БАМа, других мест в азиатской части страны», о чем говорилось на партийном съезде 35 лет назад, если и изменилась, то к худшему: население этих и без того слабозаселенных регионов сокращается.

Давно обсуждаются планы увеличения населения Дальнего Востока. Принята Концепция демографической политики для этого региона, которая предполагает увеличение численности его населения к 2025 г. до 6,5 млн человек и «создание условий для дальнейшего увеличения численности населения Дальнего Востока до 7 млн человек» (сейчас — 6,2 млн), причем предполагается «привлечение в регионы Дальнего Востока на постоянное место жительства жителей других регионов, соотечественников, проживающих за рубежом, квалифицированных иностранных специалистов и молодежи»⁴. Эти планы не соответствуют наблюдаемым тенденциям. Именно население Дальнего Востока сокращается быстрее всего. После пика выезда населения в 1990-е годы интенсивность оттока в результате внутрироссийской миграции из Дальневосточного федерального округа, начиная с 2000 г., держится на уровне 4–6 человек на 1000 населения, 30–40 тыс. человек ежегодно, и, несмотря на ожидания скорого прекращения оттока населения, тенденции пока не меняются.

Внутренних демографических ресурсов, которые можно было бы перенаправить на Дальний Восток, в России нет. Без мигрантов извне и их натурализации решить задачу пополнения его населения невозможно, но и одних только проживающих за рубежом соотечественников и квалифицированных иностранных специалистов для ее решения также недостаточно. Да и сама задача увеличить в отдаленной перспективе население региона до 7 млн человек (15 лет назад оно составляло 8 млн) выглядит более чем скромной. В дополнительном населении нуждается не только Дальний Восток, но и огромная Сибирь. Эта потребность в людях не обязательно связана непосредственно с существующим рынком труда. В экономике возможны ситуации, когда соединение людей с неиспользуемыми ресурсами создает рынок труда там, где его не было. (Подобным образом развивались США.)

В общественно-политическом дискурсе в России, как и в других странах, принимающих мигрантов, постоянно подчеркиваются связанные с массовой иммиграцией риски — социального напряжения и конфликтов, разрушения культурной идентичности коренного на-

⁴ Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 20 июня 2017 г. № 1298-р. <http://static.government.ru/media/files/IcS1tqRUBHAPAQ3TgHvSmKSeQFMzZSv.pdf>

селения и т. п. Эти риски, безусловно, существуют, однако все они вытекают не из врожденных качеств мигрантов, а из их недостаточной интегрированности в принимающее общество. Поэтому главный вызов иммиграции для России — интеграция мигрантов в российский социум. Россия нуждается в людях, и следовало бы максимально использовать иммиграцию как демографический ресурс. Но страна не может принимать больше людей, чем она способна интегрировать. Такая способность имеет свои границы, однако ее можно наращивать. Это самостоятельная задача; если она будет осознана и станет решаться, будет смягчена и острота демографических проблем России.

* * *

Подводя итоги, подчеркнем еще раз специфику в известном смысле переломного этапа демографического развития, который переживают сейчас все страны, совершившие демографический переход, в том числе Россия. Главный вывод заключается в том, что до недавнего времени демографические факторы в целом благоприятствовали экономическому развитию, теперь же, в силу ряда объективных причин, они будут оказывать на него тормозящее воздействие. Особенности возрастной пирамиды населения России, сложившиеся под влиянием пертурбационных событий истории XX в., могут сделать этот поворот особенно болезненным.

Как представляется, позитивному влиянию демографических факторов экономисты не придавали большого значения, не замечали его, но в этом не было большой беды, дела и так шли хорошо. Однако недооценка этих факторов в период, когда их влияние становится негативным, может обернуться неприятными последствиями. Сейчас мы вступаем именно в такой период, и необходимо осмыслить масштабы начавшегося демографического поворота и задуматься над тем, как минимизировать его негативный эффект. Может быть, это и удастся сделать: предупрежден — значит, вооружен.

Список литературы / References

- Вишневский А. Г. (1970). Экономические последствия старения трудоспособного населения // Демографические тетради. Вып. 2–3. С. 98–111. Киев: Ин-т экономики АН УССР. [Vishnevsky A. G. (1970). Economic consequences of aging of the working-age population. *Demograficheskie Tetradi*, No. 2–3, pp. 98–111. Kiev: Institute of Economics, The Academy of Sciences of the Ukrainian SSR. (In Russian).]
- Вишневский А. Г. (2005). Население и производство // Избранные демографические труды в двух томах. М.: Наука. Т. 2. С. 5–87. [Vishnevsky A. G. (2005). Population and production. In: *Selected demographic works in two vols.* Moscow: Nauka, Vol. 2, pp. 5–87. (In Russian).]
- Вишневский А. Г. (2014). Смертность в России: несостоявшаяся вторая эпидемиологическая революция // Демографическое обозрение. № 4. С. 6–40. [Vishnevsky A. G. (2015). Mortality in Russia: The second epidemiological revolution that never was. *Demographic Review*, English selection, pp. 4–33.]

- Всемирный банк (2015). В поисках нового «серебряного века» в России: факторы и последствия старения населения: Обзорный доклад. Вашингтон. [World Bank (2015). *Searching for a new silver age in Russia: The drivers and impacts of population aging. Overview report*. Washington, DC.]
- Aiyar S., Ebeke C., Shao X. (2016). The impact of workforce aging on European productivity. *IMF Working Paper*, No. WP/16/238/.
- Becker G. S., Glaeser E. L., Murphy K. M. (1999). Population and economic growth. *American Economic Review*, Vol. 89, No. 2, pp. 145–149.
- Dixon S. (2003). Implications of population ageing for the labour market. *Labour Market Trends*, February, pp. 67–76.
- GBD (2016). Global, regional, and national disability-adjusted life-years (DALYs) for 315 diseases and injuries and healthy life expectancy (HALE), 1990–2015: A systematic analysis for the Global Burden of Diseases Study 2015. *Lancet*, Vol. 388, No. 10053, pp. 1603–1658.
- Kuznets S. (1960). Population change and aggregate output. In: *Demographic and economic change in developed countries*. National Bureau of Economic Research, pp. 324–351.
- OECD/EU (2016). *Health at a glance: Europe 2016 – State of health in the EU cycle*. Paris: OECD Publ.
- UN DESA (2017). *World population prospects: The 2017 revision*. New York: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. [DVD edition].
-

Demographic brakes of the economy

Anatoly G. Vishnevsky^{1,}, Ekaterina M. Scherbakova^{1,2}*

Authors affiliation: ¹National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); ²Institute of Economic Forecasting, RAS (Moscow, Russia).

*Corresponding author, email: avishnevsky@hse.ru

The article examines the features of the newest stage of the demographic evolution of Russia against the backdrop of other countries at similar stages of the demographic transition. It is shown that until recently long-term demographic trends favored Russia's economic development, but now the country is entering a long period of unfavorable demographic changes for its economy. The cessation of growth of the Russian population, the reduction in the working-age population and its aging, and the increase in the dependency ratio will have a deterrent effect on economic development and at the same time make it more difficult to solve social problems. In particular, these factors will create greater problems for the pension system for people older than working age. The issue of using the migration resource to mitigate the negative consequences of demographic changes is discussed.

Keywords: Russia, population growth, natural increase, net migration, population aging, aging of labor force, retirement age.

JEL: J11.